

УДК 81'373.46

В. И. ТЕРКУЛОВ

(Донецк, Украина)

ТЕРМИН ДЛЯ БАЗОВОЙ НОМИНАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

Предлагается изменить статусный признак термина *слово*, который, по мнению автора, может употребляться для обозначения не базовой номинативной единицы языка, а одной из глосс (речевых воплощений) основной единицы языка, которую, в свою очередь, предлагается назвать *номинатемой*.

Ключевые слова: глосса, номинатема, номинация, слово.

Вопрос о базовой единице номинации имеет достаточно длительную историю рассмотрения. Свое представление о ней высказывали В. М. Алпатов, Ш. Балли, Л. Блумфильд, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ж. Вандриес, Й. Вахек, В. М. Жирмунский, В. А. Звегинцев, С. Д. Кацнельсон, А. Мартинес, Ф. де Соссюр, А. Фрей и многие другие. Если отвлечься от некоторых частных случаев, можно констатировать: традиционная лингвистика основывает свои изыскания на том, что таковой «считается слово и анализ начинается с выделения слов, от которых затем происходит переход к выделению как более кратких (морфем), так и более протяженных (словосочетаний, иногда и предложений) единиц языка» [1, с. 66]. При этом отмечается абсолютный функциональный статус слова в системе языка: «Слово охватывает фактически весь объем языковых функций: номинативную (обозначения), сигнификативную (обобщения), коммуникативную (общения) и прагматическую (экспрессивного воздействия)» [20, с. 39]. Сюда же следует отнести и когнитивную функцию.

Наиболее последовательный представитель этой словоцентрической концепции, А. И. Смирницкий, утверждает, что «слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово» [14, с. 11]. Однако опыт многочисленных попыток толкования понятия «слово» показывает, что «как только речь заходит об определении этой единицы, многое сразу же становится сомнительным и спорным» [22, с. 53]. И сам А. И. Смир-

ницкий отмечает: «Различные образования могут быть словами в разной степени, т. е. в разной мере обладать «качеством слова»: как их выделимость, так и их цельность могут быть неодинаковы, хотя и достигать того минимума, который необходим, чтобы данные образования все же выступали как слова» [14, с. 187–188].

Как известно, в отличие от других языковых единиц, слово реализовано в эмпирических представлениях говорящих. Эти эмпиричность и простота как раз и являются факторами априорного признания «фундаментальности», первостепенной значимости слова для языка, признания того, что именно оно является первой, основной, а для некоторых лингвистов и единственной единицей языка. Иначе говоря, традиция предполагает, что слово – это «живой психологический факт, и он может, даже вопреки действительности (выделено мной. – В. Т.), представляться как первосушность» [10, с. 94].

Но в то же время именно эта простая и ясная эмпирическая, индуктивная «очевидность» слова становится преградой для его полноценной дефиниции. Показательно в этом отношении замечание Н. А. Луценко: «Лингвистика пока не может выйти за рамки слова как эмпирического факта, использует слово в качестве понятия, как следует не определённого» [8, с. 9].

Разумеется, простота данного явления иллюзорна. Даже лингвисты, абсолютно справедливо считающиеся корифеями языкознания, осознанно или неосознанно стремились избегать определения слова, ссылаясь при этом на недостаток времени и места. Например, Ф. де Соссюр, только прикоснувшись к этой проблеме, вынужден был оправдываться: «Надо было бы выяснить, на чем основывается разделение на слова, ибо слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка, – но одной этой темы достаточно для заполнения целого тома» [16, с. 13].

Сложность определения заложена уже в том, что слово функционирует одновременно в нескольких пересечениях существования языка, и установление его границ должно учитывать данные пересечения. Речь идет о пересечениях синтагматики и парадигматики слова, которые глубинно релевантны фундаментальному пересечению речи и языка.

По мнению А. М. Пешковского, «мы должны различать два образа: один, возникающий у нас при произнесении отдельного слова, и другой – при произнесении того или иного словосочетания с этим словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых» [10, с. 93]. Позднее В. В. Виноградов вводит представление об этой двойственности слова в научную парадигму и предлагает «различать два понятия и два термина – слово и лексема, то есть лексическая единица языка, как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или форма слова и слово» [3, с. 37]. В современной лингвистике это различие оформилось в различие двух статусов слова – «статуса словназваний, или слов-ономатем, и статуса синтаксических слов, функционирующих в предложениях, или слов-синтагм» [7, с. 30]. Слово-ономатема – это тот самый «теоретический» «знак, имеющий самостоя-

тельное содержание, которое может быть осмыслено вне контекста, независимо от функционирования в составе предложений. Это обобщенная виртуальная единица лексической системы, главной функцией которой является номинация» [7, с. 31]. В то же время, слова-синтагмы представляют собой ситуацию, когда слово-ономатема «является в самом языке (точнее, в речи. — В. Т.) представленной определенными разновидностями, каждая из которых обладает качеством слова и так или иначе характеризует данное слово» [12, с. 8], то есть тем, что я называю глоссой [17, с. 98]. Таким образом, слово-синтагма (глосса) — это явление речи, конкретная речевая единица с конкретизированной системой значений и созначений и соответствующей им формой выражения, а слово-ономатема — это языковая сущность, представляющая собой совокупность таких глосс, объединенных по определенным признакам.

Указанное противопоставление слова-ономатемы и слова-синтагмы представляет собой конкретное воплощение глобального противопоставления языковой и речевой номинаций, на которое в свое время указал В. Г. Гак [4, с. 248–257]. Нужно предварительно сказать, что термин *номинация* двузначен — он употребляется как для обозначения процесса, и в этом случае имеет значение «процесс, ситуация означивания внезнаковой действительности», так и для обозначения результата, то есть, собственно, номинативных единиц, и в этом случае имеет значение — «номинативный знак» [4, с. 232]. Противопоставление языковой и речевой номинации — это, в первую очередь, и есть противопоставление языковой (инвариантной) и речевой (вариантной) единиц и установление механизма реализации первой во второй. В этой ситуации, следовательно, уместно с и н к р е т и ч н о е использование термина «номинация», дающее возможность объединить процесс и результат в единый статикодинамический комплекс. Различение языковой и речевой номинации в этом случае реализуется в процессуальных и субстанциональных параметрах: языковая номинация закономерно должна быть описана одновременно и как модель процесса, и как система потенциальных речевых номинативных знаков, а речевая номинация — как конкретный процесс обозначения и конкретная единица. Возникает вопрос — как же соотносятся языковая и речевая номинации?

В. Г. Гак предполагает, основываясь, в большей мере, на динамической трактовке данного явления, что языковая номинация — это с о з д а н и е новых номинативных единиц, а речевая — это и с п о л ь з о в а н и е уже готовых единиц в процессе ситуативного означивания [4, с. 248–257]. Откуда же берутся эти «готовые» единицы, которые реализуются в речи, каков их статус в номинативной системе языка? По В. Г. Гаку, они не могут быть ни языковыми номинациями, поскольку не создаются, а уже существуют в системе, ни речевыми номинациями, поскольку именно их язык использует в речи не в целом, а только в той или иной модификации. Вполне очевидно, что они существуют до номинативной ситуации и реализуются в ней не целиком, а лишь в каком-либо из своих конкретных воплощений. Например, глосса *вечера* во фразе «все они с нетерпением ожидали *вечера*» не эквивалентна полностью номинативной единице — слову *вечер*, так как реализует

только одну из ее конкретных форм [в'эч'ьрь] с конкретными грамматическими (ед. ч., род. пад.) и лексическим («время суток») значениями. Если с речевой номинацией здесь все понятно — ее воплощением является глосса *вечера*, то статус инвариантной номинативной единицы *вечер* требует своего уточнения.

В работах некоторых ученых процесс и явление означивания стали рассматриваться с коммуникативной точки зрения, что привело к некоторому уточнению понятия языковой номинации. Е. С. Кубрякова уже не ограничивает её только процессом создания новых номинативных единиц, но и указывает на существование номинативных сущностей в языке как инвариантов обозначения. По мнению ученого, под номинацией следует понимать «речемыслеительный процесс, направленный либо на выбор существующего (выделено мной. — В. Т.) в языке готового обозначения для именуемого явления, либо на создание подходящего названия для него» [6, с. 42]. В этом случае обозначенная мной как инвариантная единица — слово *вечер* — является именно языковой номинативной сущностью, а глосса *вечера* — одним из ее речевых воплощений. Номинация «как процесс» при такой трактовке есть выбор из возможных модификаций языковой номинативной единицы для реализации интенций конкретной ситуации именования. В связи с этим абсолютно справедлива интерпретация различения типов номинации, предложенная Н. П. Тропиной: «Деление номинаций на языковые и речевые (коммуникативные) ориентировано, в первую очередь, на разграничение знака виртуального и знака актуального, на разграничение процессов виртуального и актуального означивания» [19, с. 32]. При этом «фиксация знаком предмета происходит в конкретных актуализированных знаках, в речи. Виртуальный знак в лексической системе фиксирует нечто иное» [11, с. 57]. Именно виртуальным знаком следует считать то, что традиционная лингвистика называет словом-ономатемой, то есть языковым лексическим инвариантом номинации, который, собственно, и «фиксирует виртуальный знак», а актуальным (актуализированным) — словом-синтагмой, в котором осуществляется конкретный акт номинации, определяемый потенциями слова-ономатемы.

Учеными предлагалось множество критериев определения основы тождества и отдельности слова-синтагмы и слова-ономатемы (читай: речевой и языковой номинативных единиц), которые, впрочем, практически сразу же признавались неубедительными и противоречивыми. Во многих исследованиях констатировалось, что «все так называемые комплексные определения слова не дают возможности делить текст на слова» [1, с. 68], и что «в речевой деятельности, так же, как и в индивидуальном стиле, границы слова и фразы особенно зыбки, текучи, неопределенны» [3, с. 46].

Слово-ономатема и слово-синтагма одновременно существуют в параметрах «тождества самому себе» и «отдельности от всего другого». Правда, здесь необходимо различать разные плоскости существования тождества-отдельности речевой синтагмой и языковой инвариантной номинативных единиц. Если в первом случае тождество самому себе представляется как линейное тождество, а отдельность от всего другого — как линейная отдель-

ность, и проблема состоит в отождествлении того или иного звукокомплекса с номинативной единицей путем определения его линейных границ на основе отделения от других рядоположенных звукокомплексов (например, отождествление самой себе единицы *веют* в синтагме *вихри враждебные веют над нами* осуществляется на основе отделения его от звукокомплексов *враждебные* и *над*), то во втором случае тождество единицы определяется как системно-парадигматическое тождество, основанное на инвариантном объединении различных речевых номинаций в одну языковую единицу. Здесь возникает уже проблема отделения комбинаторных разновидностей (глосс) одной номинативной единицы от комбинаторных разновидностей (глосс) другой номинативной единицы. Например, чем следует считать звукокомплекс *над нами*: а) глоссой самостоятельной языковой номинативной единицы *над нами*; б) глоссой номинативной единицы *над* или глоссой номинативной единицы *нами*; в) глоссами отдельных номинативных единиц *над* и *нами*?

Именно проблема определения границ тождества-отдельности как в первом, так и во втором случае решается в современном языкознании только на основе абсолютизации неприемлемых для описания номинативной единицы формальных признаков. Это – ошибка, призванная только «защитить» сложившийся за века статус слова как базовой ономаσιологической сущности. Полученные мной результаты исследования процессов модифицирования единой языковой номинативной сущности приводят к довольно парадоксальному, на первый взгляд, выводу: определение статуса слова как статуса самостоятельной инвариантной, базовой языковой сущности не соответствует действительности. Семантическое тождество, констатируемая в большинстве исследований основа актуального тождества слова, закономерно расширяет зону его варьирования (модифицирования) надсловными модификациями – сочетаниями знаменательных слов со служебными и словосочетаниями разного типа.

Это позволяет предположить, что обозначение базовой номинативной единицы термином, который указывает на ее моновербальный характер, то есть термином *слово*, *лексема* и т. п., не совсем правильно, поскольку факт противоречивости статуса той или иной единицы в языке не позволяет терминологически отождествлять этот, приписываемый ей в некоторых концепциях, статус с ее названием. Можно было бы использовать уже упомянутый здесь термин *ономатема* (правда, выведя его из юкстапозита *слово-ономатема*). Однако и он не очень удачен, так как по своей внутренней форме может быть неосознанно отнесен не только к ономаσιологии, но и к ономастике.

Считаю, что в этом случае более уместным было бы употребить используемый в некоторых исследованиях термин *номема* [9] или *номинатема* [2]. Выбор первого или второго из этих вариантов наименования в нашем случае не может иметь под собой каких-то глубинных структурно-семантических оснований. Здесь главным фактором будет, без сомнения, лишь вкус ученого, который избирает тот или иной термин, лишь подчиняясь каким-то своим личностным соображениям. Если говорить обо

мне, то я слишком часто употреблял для обозначения базовой единицы номинации именно термин *номинатема* [18 и др.], поэтому замена его на термин *номема*, который в концепции его «сочинителя» все же более связан (но не тождественен, о чем — ниже) с тем содержанием, которое я в этот термин вкладываю, нежели термин *номинатема* в указанных выше исследованиях, просто может привести к некоторой неразберихе при сопоставлении терминологии этого исследования с терминологией моих предыдущих изысканий, чего мне абсолютно не хочется. Поэтому в дальнейшем я и буду употреблять то наименование, которое уже имело место в моих работах, то есть упомянутый здесь термин *номинатема*. Укажу только, что его объем в моей концепции значительно шире, чем в указанных работах, где зону его применения ограничивают только словом. У меня он используется не для обозначения такого представления о слове, которое «возникает в результате абстракции отождествления всех словоформ, различающихся только синтаксическим значением (то есть словоформ, имеющих одно и то же несинтаксическое, или номинативное, “ономатологическое”, значение)» [2, с. 127], а для обозначения абстрактной (структурной) языковой единицы, представляющей собой модель номинации, независимо от того, в каких субстантных единицах эта модель реализуется.

Нужно обратить особое внимание на то, что объединение глосс в лексему или, шире, номинатему традиционно осуществляется на основе методологически необоснованного априорного ограничения реализаций последней только однословными единицами. Для обоснования такого подхода словоцентрическая лингвистика неоправданно создает формальные по своей природе конвенциональные правила: «В последнее время высказывается мнение, что предел формально-грамматического варьирования может быть найден только в самой форме», — пишет С. М. Шигапова [21]. Как аксиома звучит утверждение о том, что «единица словаря не тождественна словоформе, но совпадает с ней в протяженности (выделено мной. — В. Т.)» [1, с. 69]. Однако даже для словоцентрического подхода к установлению системы модификаций единой номинации это утверждение достаточно противоречиво — существуют, например, большие сомнения в возможности трактовки как совпадающих по протяженности супплетивных форм слова, например, форм слова *человек* (*человек* — *люди*). В некоторых ситуациях ученым приходится выискивать дополнительные критерии сопоставления отождествлению речевых единиц в слово. Например, слова *волчиха* и *волчица* совпадают по протяженности и имеют идентичное значение. Однако в большинстве исследований их рассматривают только как синонимы, то есть как единицы, относящиеся к разным номинативным комплексам, поскольку, как традиционно считается, «морфологическим пределом варьирования слова служит тождество морфологической структуры и морфемного состава сопоставляемых единиц» [5, с. 15], которого у них нет (различие суффиксов *-иц-* — *-их-*). Следует обратить внимание на то, что этот принцип применяется крайне непоследовательно. Например, приведенные выше супплетивные формы слова *человек* уже по своей природе противоречат данному требованию — они не совпадают в корневой морфеме

(*человек- — люд-*), но все же считаются большинством лингвистов реализациями одной лексемы. Кроме того, различие морфемного состава и морфологической структуры не мешает исследователю, чье высказывание было приведено выше, считать вариантами одного слова такие, например, модификации, как *накапливать — накапливать, засаривать — засорять* [5, с. 159], *мочала — мочало, титло — титла* [5, с. 143] и т. п., различающиеся не только набором морфем, но и пусть структурным, грамматическим, но значением (*мочала*, например, — существительное женского рода, а *мочало* — среднего). Отмечу здесь, предваряя дальнейшие рассуждения, что у меня нет никаких сомнений в том, что единицы типа *волчица — волчиха* в силу своей формальной связанности и семантической идентичности должны определяться как разные формальные манифестации одной и той же номинативной сущности.

Ограничение манифестаций одной номинативной единицы только словами представляется неубедительным еще и потому, что в речи границы семантического тождества единой номинативной единицы преодолевают пределы реестра слов-синтагм, которые с ней эмпирически связываются в сознании носителей языка. Как замечает В. М. Никитевич, «подходя к системе номинаций только со стороны наиболее типичного знака — полнозначного слова, мы способны увидеть лишь ту часть номинативных значений, которые выражаются словом, другие же значения одного и того же класса и способы их выражения, реально существующие в языке, остаются вне поля зрения исследователя» [9, с. 17]. Отождествление языковой «унифицирующей» единицы со словом есть не что иное, как дань эмпирической очевидности слова, и поэтому употребление терминов *слово, лексема*, а также композитных образований, содержащих отсылку к слову (*слово-тип, слово-ономатема, слово-номинатема* и т. п.), абсолютно не указывает на реальные внутриязыковые закономерности.

Видимо, именно осознанная «недостаточность» словной интерпретации номинативной базы языка привела к тому, что некоторые исследователи вынужденно приходят к выводу, что «все единицы языка и речи, кроме предложений, обладают только свойством номинативности (выделено мной. — В. Т.)» [15, с. 133], то есть являются только реализаторами номинативной функции. Это позволяет предположить, что ни одна из разновидностей синтагм — слово, сочетание слов, словосочетание — не может считаться основным её носителем. Основная номинативная единица всегда находится на границе между собой и не собой. Она может быть и словом, и словосочетанием, и сочетанием слов. Иными словами, номинативный инвариант должен трактоваться как некое абстрактное ментальное образование, отвлеченное от своих реализаций, но одновременно с этим представляющее собой то общее, что в той или иной степени в них присутствует.

В основе тождества номинативной единицы лежит её языковое семантическое тождество, подкрепленное формальной связанностью её речевых модификаций. Семантическое тождество на уровне языка обеспечивается единым лексико-грамматико-семантическим инвариантным, концептуаль-

ным, сигнификативным номинативным значением, реализуемым в речи в своих денотативных и коннотативных частных лексико-семантических и грамматических модификациях. Формальная связанность (формальный инвариант) предполагает внутреннюю формальную взаимную мотивированность одной глоссы другой. В этом случае, признавая, что обнаруживаемое в речи речевое лексическое значение глоссы меньше по объему, чем концепт, я отмечаю то, что значения всех глосс одного и того же знака, с одной стороны, обусловлены концептом, а с другой – именно в силу вышесказанного позволяют в той или иной мере описать концепт, схваченным данным знаком. А это позволяет определить место концепта в структуре знака как место инвариантного, инфраструктурного значения, определяющего возможности референции, то есть обозначения данным знаком элементов онтологического мира (референтов), и коагуляции, то есть актуализации при референции тех или иных аспектов (слотов, сем) инвариантного концепта.

На речевом уровне номинативную функцию, следовательно, выполняют слово, словосочетание, сочетание служебного и знаменательного слов, которые я называю речевыми глоссами языковой номинативной единицы. Повторюсь, это ставит под сомнение возможность ее обозначения терминами, указывающими на ее моновербальный характер (*слово, лексема* и т. п.), поскольку даже единицы, реализующие в речи слово, могут не совпадать с ним по протяженности. Кроме того, в речи могут реализоваться единицы, которые на уровне инварианта отождествляются с надсловными образованиями – коллокациями, фраземами и т. д. Модели их функционирования и реализации глубинно абсолютно тождественны моделям функционирования и реализации слова. Все это позволяет заменить термин моновербального типа для именованной основной номинативной единицы языка на термин *номинатема*, который обозначает любую её языковую разновидность, объединяющую глоссы, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности.

В отличие от слова, номинатема является целостной единицей, поскольку ее интегрирующий характер предполагает невозможность абсолютизации какого-либо из компонентов ее структуры как самостоятельной сущности. Не может быть «фонетической», «морфологической» и т. д. номинатемы. Она представляет собой модель номинации, которая закономерно должна учитывать все ее параметры. С другой стороны, номинатема является и языковой универсалией, хотя бы потому, что она имеет статус не субстантного образования, а языковой модели, тактики номинации, которая, скорее всего, абсолютно тождественна для всех языков мира. Различие касается именно субстантных речевых модификаций (глосс), которые в разных языках будут разными.

Как представляется, именно номинатемный подход позволяет не только по-новому трактовать многие явления языковой структуры, но и сделать эту трактовку непротиворечивой, что абсолютно невозможно при вербцентрическом подходе к языку. Именно этому и посвящен ряд моих работ, уже вышедших или готовящихся к печати.

1. Алпатов В. М. О двух подходах к выделению основных единиц языка // Вопросы языкознания. — 1982. — № 6. — С. 66–74.
2. Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. — М.: Наука, 1977. — 287 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. — М.; Л.: Учпедгиз, 1975. — 784 с.
4. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: общие вопросы. — М.: Наука, 1977. — С. 230–293.
5. Горбачевич К. С. Вариативность слова и языковая норма. — Л.: Наука, 1978. — 237 с.
6. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М.: Наука, 1986. — 158 с.
7. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пос. — М.: Высшая школа, 1982. — 152 с.
8. Луценко Н. А. Введение в лингвистику слова. — Горлівка: Вид-во ГДПІМ, 2003. — 141 с.
9. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. — Минск: Вышэйшая школа, 1985. — 158 с.
10. Пешковский А. М. В чем, наконец, сущность формальной грамматики // Избранные труды. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 74–100.
11. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология. — К.: Фитосоциоцентр, 2000. — 248 с.
12. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема тождества слова) // Труды ин-та языкознания АН СССР. — М.: АН СССР, 1954. — Т. 4. — С. 3–50.
13. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя: Сб. науч. тр. — М.: АН СССР, 1955. — С. 11–53.
14. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка: Учеб. пос. — М. Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1956. — 364 с.
15. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. — М.: Наука, 1977. — 344 с.
16. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — С. 30–269.
17. Теркулов В. И. Структура лексемы как система межгlossовых отношений // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Науч.-метод. сб. — Славянск: СГПУ, 2003. — Вып. XI. — Часть 1. — С. 98–104.
18. Теркулов В. И. Номинатема: опыт определения и описания. — Горловка: ГГПИИЯ, 2010. — 228 с.
19. Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование. — Херсон: Изд-во ХГУ, 2003. — 336 с.
20. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. — М.: Наука, 1974. — 206 с.
21. Шигапова С. М. Вариантность слова и проблема типологии вариантов // Вестник АмГУ. — 2000. — № 3. — Режим доступа: <http://www.amursu.ru/vestnik/3/>.
22. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М.: Наука, 1973. — 278 с.

V. I. Terkulov

TERM FOR BASIC NOMINATIVE UNIT OF LANGUAGE

The article suggests changing the status character of the term *word* which, according to the author, can be used to define not basic nominative unit of language, but one of the glosas (speech units) of the basic unit of language which is suggested to be called *nominatema*.

Key words: glosa, nominatema, nomination, word.